

84(2=411.2)б
Ф 45 КР

Геннадий ФОКИН

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

г. Находка.
1998 г.

9.09.1256

2005-52

з ТМО т. 3600000 з. 858—87

и т

книги:

родской
рабочий»
ича

жный»
ича

,

мателя

Сергея Тимофеевича
ПАРЬЕВА.

Жанна
95 2000
858-87
Парьеев

Дим

84 (8=411.2) G
ОРЧ 5 КР

Геннадий ФОКИН

50-летию Находки посвящаю

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Находка,
твоими глазами
Россия глядит
в океан...

85353

Библиотека-музей
г. Находка

ЗАТРОНЬ СТРУНЫ

Перелистывая только что вышедшую в свет антологию «Сто лет поэзии Приморья», я не обнаружил там стихов Геннадия Фокина из Находки, поэта, творческий путь которого начался на эскадренном миноносеце «Отчаянный» вместе с Николаем Рубцовым. Без стихов Геннадия, я считаю, вся поэзия Приморья, как книга, в которой нет одной страницы. Вот почему нынче мне особенно приятно в восполнение допущенного основателями антологии промаха представить читателям стихи человека, влюбленного в море, поэта, прославившего приморский город Находка десятками хороших, ярких стихов.

С Геннадием я знаком несколько лет. Профессиональный журналист, поэт, прозаик. Его стихи публиковались в краевых и центральных газетах, журналах. Он постоянный автор литературно-музыкального ежемесячника «Лукоморье» и альманаха «Живое облако». Скромный, ненавязчивый, привыкший все делать обдуманно, «не гоня лошадей». Наверное, поэтому его стихи и рассказы годами отлеживались в редакционных папках, в ящиках столов.

Друзья, коллектив газеты «Находкинский рабочий» помогли Геннадию средствами. И вот в твоих руках, читатель, первая книга автора. Ты не ошибся, открыв ее. «Признание в любви» Геннадия Фокина несомненно тронет чистые струны твоей души.

Николай МОРОЗОВ,
член Союза российских писателей,
г. Арсеньев.

Мой город

Я долго шел. Я ехал долго.
Куда? И сам того не знал...
Водила дальняя дорога
среди долин и среди скал.
Я жил в избушке лесорубов,
рубил на шахте уголек,
но я искал не длинный рубль
и не уютный уголок.
Я шел, столицы огибая,
шел по таежным городам,
и вышел к морю. Голубая
волна мне кинулась к ногам.
А перед восхищенным взором
до крыш в строительных лесах
возник портовый юный город,
поднявший краны в небеса.
Он был застенчив, как подросток,
и, как мужчина, был суров,
сплелись бесхитростно и просто
дома и мачты сейнеров.
А там, у длинного причала,
все корабли, все корабли,
как продолженье и начало
еще неведомой земли.
Был полон красоты особой
тот город в дымке заревой.
По склонам сопок круглобых
спускались улицы его.
Куда-то шли морской походкой,
терялись где-то среди скал...
Привет тебе, моя Находка,
как долго я тебя искал!

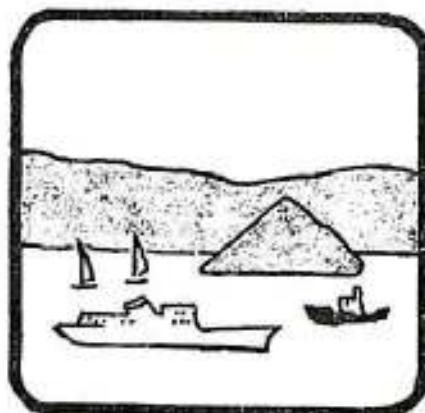

...И нарекли Находкой

(Триптих)

*В начале улицы Ленинской установлены два якоря
в честь открытия бухты Нахodka.*

Якоря навечно влиты в камень,
как в пьедестал. И в том
есть суть и смысл — людская память
о пережитом и былом.
Хранит в себе давно минувшее
холодный кованый металл...
А нас святая память мучает:
Ну как вы там?
Ну как вы там?
Ну как вы там, в другом столетии,
через сибирские снега
и океанов кругосветие
пришли на эти берега?
Пришли полпредами российскими,
высоким помыслом горя...
В далкой бухте склянки
брызнули —
на грунт упали якоря.

* * *

*В июне 1859 года парусно-паровой корвет «Америка»
у скалистого мыса Поворотного попал в шторм.
И уже не надеялись на спасение моряки, когда судно из роющей
кромешной тьмы вдруг вынесло в тихую бухту...*

Рассвет был солнчен и ярок.
И, как всегда после штормов,
лежала бухта, как подарок,
в оправе девственных лесов.
Еще скрипели мачты глухо,
на берегу изюбрь трубил,
а флотский штурман Долгоруков
на карту бухту наносил.
А про вчерашнюю погодку
на баке в шутку изрекли:
Да, была погодка — не находка...
И так вот бухту нарекли.

* * *

*«... Мы на краю, у начала земли, но это уже Россия!»
(Александр Яшин).*

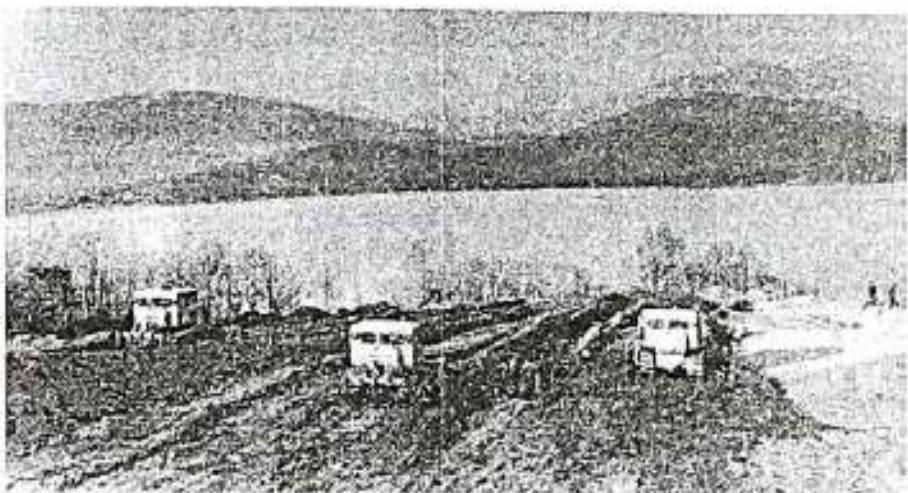
Как велика Россия, Родина —
не обозреть и не обять...
Она — и в листике смородины,
и в каждой капельке ручья.
Она — в высоком небе синем,
у всех истоков и начал...
Она и здесь, моя Россия,
где первый вбили мы причал.
И нас неласковой погодкой
здесь встретил Тихий океан...
И здесь построили Находку
потомки славных россиян.

Посвящается первостроителям Восточного порта

Бухта Врангель

(Триптих)

Я поднял камень в бухте Врангеля —
он был величиной с ладонь.
И в нем, как в сердце птицы раненой,
гудел встревоженный огонь.
В тот день бульдозеры нахраписто,
в тринадцать тысяч лошадей, скалу
раслахивали начисто
и строем двигались к воде.
Шел счет на метры и на скорости...
Гремящим гулом оглушен,
кричал прораб, не в личной корысти:
— Давай еще! Еще! Еще!
И вспоминал при этом бога
и всех подряд его святых...
А мимо шли девчонки по дороге,
несли таежные цветы.

* * *

Пока ничего особенного,
пока все обычно так...
В динамике голос Собинова,
в кубрике полумрак.
Молча сидят ребята,
над бухтой луна, как свеча.
Лишь после боя солдаты
умеют вот так молчать.
Жизнь не вернешь на круги,
мгновенье уйдет в века...
У ребят остывают руки
от горячего мастерка.
День не напрасно прожит,
стройка кричит: Даешь!
Общежитие молодежное,
И первый причал... Даешь!
... Пока ничего особенного,
над бухтой луна, как свеча.
Чарующий голос Собинова
в динамике отзвучал.
Кубрик наполнился храпом,
крепким усталым сном...
Кто-то под самой лампой
пишет домой письмо.

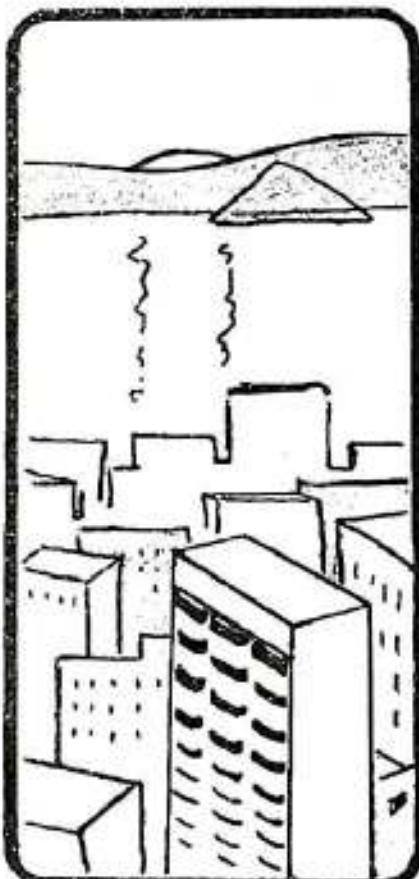
* * *

«Не пиши мне больше, мама,
 чтобы я домой вернулся.
 Ты же знаешь, я упрямый,
 как задумал, так и будет.
 Не пиши мне больше, мама,
 что по мне скучает кто-то.
 Ей приходят телеграммы
 с берегов далекой бухты.
 В них всего три слова кратких:
 «Приезжай, люблю и — точка».
 А живем мы не в палатках,
 а на старом пароходе.
 Так что с бытом все в порядке.
 Остальное? Тоже, вроде.
 Знаешь что еще, родная,
 ты скажи ей, если к слову,
 что я жду ее, скучаю,
 пусть приедет. Будем вместе
 строить порт и город новый...»

Утренний город

Бушует зелень молодо,
и облака чисты.
А я несу по городу
красивые цветы.
Прекрасно утро раннес
над городом моим,
как первое свидание
на счастье молодым.
Иду без приглашения,
как к себе домой,
к тебе на день рождения,
любимый город мой.
Ведь мы с тобой друзья
давно —
тому немало лет,
горел повсюду надо мной
твоих причалов свет.
В морях, сквозь штормы
резкие,
твои летели к нам
короткие и веские
слова радиограмм.
И как бы ни была подчас
путтина тяжела,
нас помнят дома, и у нас
на лад пойдут дела.
Качает Тихий океан —
крута его волна ...
К нам долетит через туман

Приморская весна.
И верит дальний городок —
домой придет моряк!
В Находке каждый огонек
нам светит, как маяк.
Бушует зелень молодо,
и облака чисты.
И я несу по городу
красивые цветы.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, А ВОТ И Я!

МУЗЫКА МОРЯ

МОРЕ... Здравствуй, море! Вот я снова вернулся к тебе. Теперь уже навсегда. Ты видишь окно моего дома? Вон то, что днем и ночью открыто настежь. Оно у самой воды. Засыпая вечером, я слышу твое усталое дыхание. Просыпаюсь утром — и вижу тебя помолодевшим и умтым. Ты рано встаешь, вместе с солнцем. Или ты никогда не спишь?

Но, постой, мне кажется, ты не узнаешь меня, старина? Конечно, много воды утекло. Разве упомнишь всех мальчишек, влюбленных в море! Их так много.

Но все же я напомню тебе одну историю и, может быть, ты увидишь на своем берегу того мальчика, которого качало на своих волнах, как в колыбели, когда он еще и не родился даже, ибо мать его была рыбачкой. И который первые свои шаги сделал на твоем берегу, и первые слова, которые он произнес, были «мама» и «море».

И когда он, играя, увлекался и забегал дальше, чем положено, ты тихонько, совсем по-матерински, шлепало его волной и осторожно выносило на берег.

А когда он подрос, научился хорошо плавать и разговаривать, вы часто беседовали наедине. Мальчик умел очень хорошо слушать и понимать твои шорохи и звуки: «Когда ты вырастешь большой, мальчик, а это будет очень скоро, я дам тебе белый-белый, легкий, как это облако (мальчик смотрел на небо), корабль и ты уплывешь далеко-далеко и увидишь много-много прекрасных стран. Ты будешь хорошим, как твой отец, моряком и ты научишь людей не бояться моря», — слышалось мальчику в шелесте волн. И он осторожно оглядывался, как бы боясь, не подслушивает ли кто их с морем тайны.

Но люди равнодушно бродили по берегу, бросали камушки в воду и лежали на горячем песке, подставив солнцу свои животы и спины.

Однажды мальчик заболел. Он пролежал в постели всю осень и зиму, и только весной, похудевший и весь какой-то прозрачный, вышел из дома.

Он постоял на крыльце, оглядываясь и улыбаясь знакомым вещам: старой лодке, лежащей вверх дном во дворе, важному рыжему петуху, старому неприятелю, огромным загорелым соснам, обступившим их домик толпой старых добрых великанов, облакам и солнцу, уже клонившемуся к вечеру — и быстро пошел к морю. Мать едва поспевала за ним.

Она видела, как мальчик пошатнулся, когда из-за дюны ударил в грудь ему тугой свежий ветер. Мальчик остановился. Матери казалось, что он опять слишком долго стоит на этом холодном ветру. Но боялась его окликнуть. Она думала о том, что на этом самом ветру он и простудился, слишком часто она разрешала ему бегать к морю. Слишком часто...

Обыкновенный насморк перешел в воспаление легких, потом осложнение на уши ... и все. И хотя мать давно уже поняла, что ее мальчик ничего не слышит, все же она ждала этого момента. Она ждала не чуда, нет, просто знала, как он любит море.

Вдруг он обернулся к ней и как-то неестественно громко спросил:

— Мама, почему я не слышу моря? Разве оно замолчало? Он видел море. Оно все так же играло красками заходящего солнца, все так же лизало белыми языками прибоя прибрежные камни. Но это было уже другое море, страшное в своем молчаливом движении. Мальчик видел море, но не слышал его...

Мальчика возили в большие города, показывали знаменитым докторам, но они, выслушав рассказ матери и осмотрев мальчика, разводили руками.

— Ничего нельзя сделать...

И только один молодой доктор сказал матери:

— Я знаю этот случай и, наверное, смогу помочь вам. Но нужно время. Поехайте домой и ждите, я позвоню вас...

А мальчик опять приходил к морю каждый день, садился на песок у самой воды. И море откатывалось, шурша, будто боялось замочить его старенькие сандалии. И начинало мурлыкать, словно ласковый котенок, которого почесали за ухом. Но мальчик просто сидел и смотрел.

Тогда море начинало петь ему какие-то свои песни, тихие и прекрасные.

Мальчик сидел долго, до темноты. Он видел, как садилось солнце, как на песчаной косе укладывались спать чайки, как вдали, на фоне заката, появлялся треугольный парус запоздавшей яхты. Он поворачивал голову вправо, и тотчас же там вспыхивал зеленый глазок маяка.

И, не оборачиваясь назад, он уже знал, что за ним пришла мама. Он вставал и шел ей навстречу.

Взял мальчика за руку, она заглядывала ему в глаза и видела в них слезы...

По ночам он видел сны. Вернее, один сон, бесконечный и однообразный, и совсем не детский. И каждый раз он начинался на одном и том же месте.

Будто бредет он, проваливаясь по колено в горячий, обжигающий песок, а кругом нет ничего, кроме этого песка. Целое море песка. И даже песчаные холмики были похожи на застывшие волны. И ему казалось, что это его море, ласковое и прохладное, злой волшебник превратил в эту песчаную пустыню, по которой он идет уже давно и долго, сам не зная куда и зачем. И он живо представлял, как где-то глубоко под ногами задыхались и умирали рыбы. А он, плача, все шел и шел. Хотелось пить. И солнце над головой было горячее, как печка. Почти теряя сознание, он кричал: «Мама!» — и просыпался.

А время шло. Пролетело лето. Затем зима, холодная и ветреная. Мальчик все реже бывал у моря. И все чаще спрашивал у матери: «Когда же?..» А она сама ничего не знала, но верила и ждала, поглаживая светлые волосы сына.

Зимой море замерзло и было похоже на то море, что мальчик видел во сне. Только это было белое и холодное. И он не любил такое море. Быть может, потому, что еще помнил: такое

море молчит, пока весенние ветры не разгонят льды. Тогда появлялось то море, которое он любил, — шумящее, плещущее брызгами в лицо и пахнущее свежими огурцами.

А зимой ... Только иногда, очень редко, мальчик отыскивал невдалеке от берега две лунки рядом, пробитые рыбаками. Лунки были похожи на глаза огромного умирающего животного. Они смотрели на мальчика грустно и виновато, как бы стыдясь своей беспомощности.

И когда лунки затягивало тоненькой пленкой льда, мальчик тихо уходил.

Он так и не научился «разговаривать» руками. Но зато научился понимать то, что ему говорили, по движению губ.

И вот однажды утром он проснулся оттого, что мать, обняв его, плакала, и крупные слезы падали ему на лицо. Увидев, что мальчик проснулся, она торопливо заговорила. Он смотрел на ее губы и не мог уловить слов. Спохватившись, мать медленно произнесла несколько слов. И он понял.

— Когда же? — вскочил он.

— Сейчас, — ответила мать и стала доставать из-под кровати чемодан.

Потом они сели в машину, и она повезла их прочь от моря. Когда оно в последний раз мелькнуло между дюнами, мальчик вздохнул и больше не смотрел назад. Впереди бежала дорога, пыльная и длинная...

Теперь ты вспомнило, море, этого мальчика? Прошло много лет. Мальчик вырос. И хотя он не стал моряком, он по-прежнему любит сидеть на берегу и слушать музыку моря, крики чаек и шелест волн, гудки пароходов и скрип уключин. А рядом загорелые мальчишки все так же отчаянно бросаются в воду. Другие мальчишки, из другого детства.

И кто знает, может быть, кому-то из них ударит в сердце музыка моря и пойдет он, очарованный, туда, где всего слышнее эта музыка — в море, и увидит он дальние страны, и, сойдя на берег где-нибудь на маленьком островке, затерянном в океане, скажет чернокожим, кудрявым мальчишкам: «Здравствуйте! А вот и я...»

«Признание в любви»

СКАЖУ ХОРОШИЕ СЛОВА

Жене

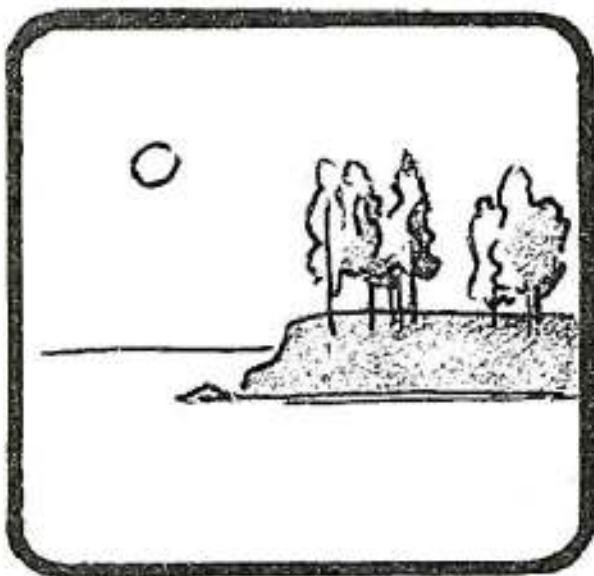
На снимке: Светлана ФОКИНА

Промчались годы ...

... А мы с тобой немало прожили,
добра в дому немного нажили.
Промчались годы непохожие,
но все, до донца, были нашими.
Давай оглянемся на прошлое...
Не нами так заведено,
что вечна память на хорошее,
а остальное — в ней растворено.
Иных времен, иные судьбы,
тoma чужих разлук и встреч...
Мы этой памяти не судьи —
свою бы только уберечь
от подлецов, пальбы и пала
(и через это мы прошли).
Нам часто шага не хватало
до обетованной земли...

Опять весна

Светлее небо по утрам,
ушли февральские метели.
Я видел иволгу вчера,
сегодня слышал коростеля.
Еще ледовая пустынь
звенит под быстрыми коньками,
а тут — багульника кусты
цветут над белыми снегами!
От них и ясно, и светло,
они мою врачуют душу.
И их нежаркое тепло
я жестом грубым не нарушу.
Я постою перед кустом,
Смахну снежинки с рукава
И всем, кто встретится потом,
скажу хорошие слова.

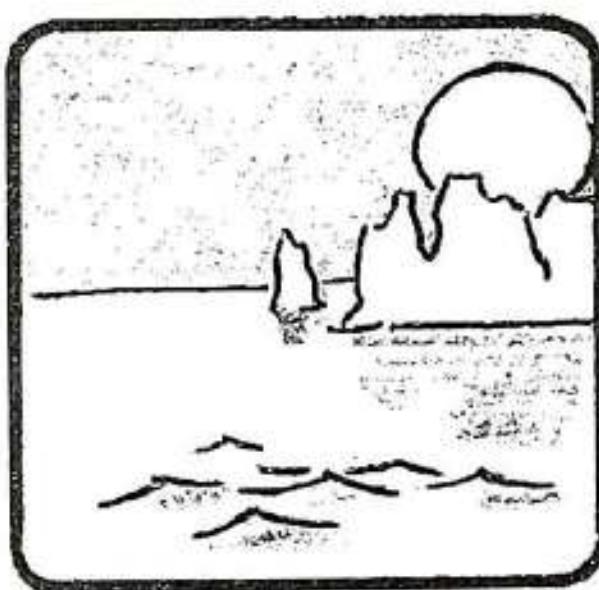
* * *

Во дворе у больницы — скворешни
на больших и старых тополях...
Что-то долго жители здешние
задержались в чужих краях.
Здесь морозы уже оттаяли
и идут грозовые дожди.
И земля — вся сплошная проталина,
и весна — вся уже позади!
Каждый день я смотрю на скворешни,
тополя скоро вспыхнут листвой...
Где-то крыльями машут, сердешные,
поспешая сюда, домой!

* * *

Опять весна течет и плачет
и сушит губы у девчат.
Опять влюбленные маячат,
Как будто им известно что-то,
чего неведомо другим...
И так всегда, пока природа
вращает времени круги.

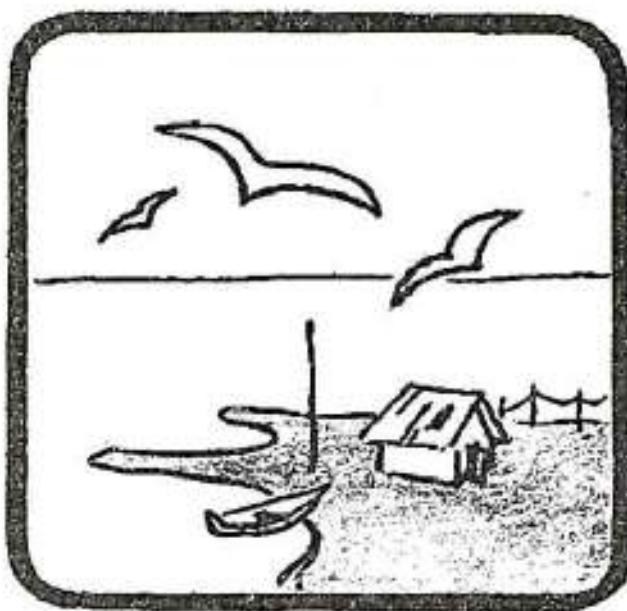

Я вышел к морю

Я вышел к морю. В бухте сонной
куда-то волны шли гуськом.
Насквозь оранжевое солнце
спускалось в воду босиком.
Лучами длинными махнуло
деревьям желтым, птицам, мне
и, зябко съежась, утонуло
в осенней стылой глубине.
Я вышел в город. Сумрак жесткий,
подняв осенний воротник,
забрел на тихий перекресток
и к фонарю щекой приник.
Потом устало лег на крыши,
повис на тонких проводах...
И я отчетливо услышал,
как заиграли провода.

* * *

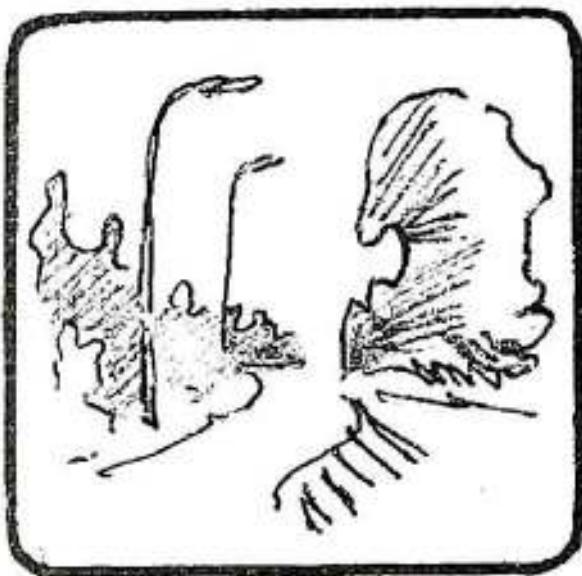

Корабли приходят и уходят
на призыв маячного огня.
Я стою в смятении у сходен —
корабли уходят без меня...
Здесь, на самом краешке причала,
мне покоя не было и нет.
Слышу: якорь-цепь прогрохотала,
вижу: от винта помчался след.
Двигателя частые удары
в сердце давней музыкой звенят.
На корме стоит какой-то парень,
чуточку похожий на меня...

* * *

Ночь свежо и влажно дышит —
будто за окном течет река.
Я — один. Не сплю.
И вдруг чуть слышно
колыхнулась первая строка.
Первая строка стихотворения,
первый шаг ребенка по земле...
До поры весеннего цветения
бродит сок в березовом стволе...

Возле дома аллейка узкая,
в ней — скамеечки по бокам.
Два фонарика тусклые,
словно лунные облачка.
Вечера тишиною насыщены
после грохота громкого дня...
О как долго друг друга ищем мы,
я тебя ищу, ты — меня.
Назову твое имя тонкое,
не откликнешься — не уйду!
Бродят мимо меня девчонки,
улыбаются на ходу,
прячут лица в платочки белые,
шепчут ласковые слова...
А я шепчу твое имя светлое,
как апрельская синева.

Акростихи

Светла земля, пока встают рассветы.
Входи и будь как дома на земле.
Ее воспели прежние поэты,
Теперь и я на это осмелел.
Люблю...
А по-старинному, жалею –
Не умирают старые слова.
А умирают старые аллеи –
Февраль метелью вяжет кружева.
О чем жалеть, когда земля прекрасна,
Как женщина, которая с тобой...
И веришь ей, не думая...
Напрасно!
А вдруг она окажется судьбой?

Романс

Тихо и торжественно
часы на стенке тикают.
Ко мне подходит женщина
с улыбкой тихою.
Моей щеки касается
горячая рука...
И стены раздвигаются,
и стены раздвигаются,
и в комнату вплывают облака.
Мне чудится, мне чудится
в глазах ее сияние,
и рушатся, и рушатся
миры и мироздания!
И надвое расколота
летит земная твердь,
а ночь гудит, как колокол,
сквозь белую метель!

Ассоциации...

Как мы рассеяны бываем,
когда в себе, в себе, в себе
добро случайно

открываем...

Но, не заметив,
закрываем
опять в себе, в себе,
в себе.

Когда таинственно
мерцает
в душе какой-то огонек,
мы ничего не замечаем...
И вдруг себя!

Себя встречаем
на перекрестке
трех дорог.

Есть что-то странное
в обличье,

хоть тот же голос,
тот же взгляд...

И только сердце
необычно,
и только губы
непривычно
о чем-то добром
шепчутся...

Чай вдвоем

Мы молчим светло и грустно,
пьем на кухне теплый чай.
А в квартире нашей пусто,
словно мы тут невзначай.
Барабанит по карнизам
дождь осенний, обложной,
и бормочет телевизор
за бетонною стеной.
Стены в выцветших обоях,
книг тугие стеллажи...
Сколько лет у нас с тобою
только сны да миражи.
Сколько лет у нас с тобою
только сны да миражи...
За бетонною стеной
чья-то музыка кружит.
Чья-то музыка играет,
не твоя и не моя ...
С нами часто так бывает:
вдруг желанье возникает
склеить рваные края.
В нашей жизни есть порядок,
есть единственный причал...
Потому-то нам и сладок
наш вечерний теплый чай.

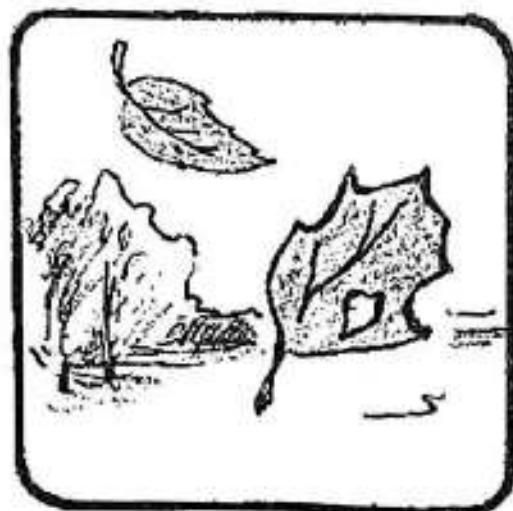
Вот лист упал

Вот лист упал. И ветка покачнулась.
И вздрогнул ствол, утратив лист живой.
Ничья душа на то не оглянулась,
лишь ветер прошуршал над головой.

Вот лист упал. В лесу светлей и шире,
Природе это надо. Она всегда права.
Она и мы — сосуществуем в мире.
Шуршит под сапогом вчерашняя листва.

Вот лист упал. Его полет — мгновенье.
Мгновенна жизнь летящего листа.
Лес обнажен — какое откровенье!
На землю завтра грянут холода.

Вот лист упал. И ничего такого
в окрестной жизни не произошло.
Но кем-то все брошенное слово
в душе глухим сомненьем проросло...

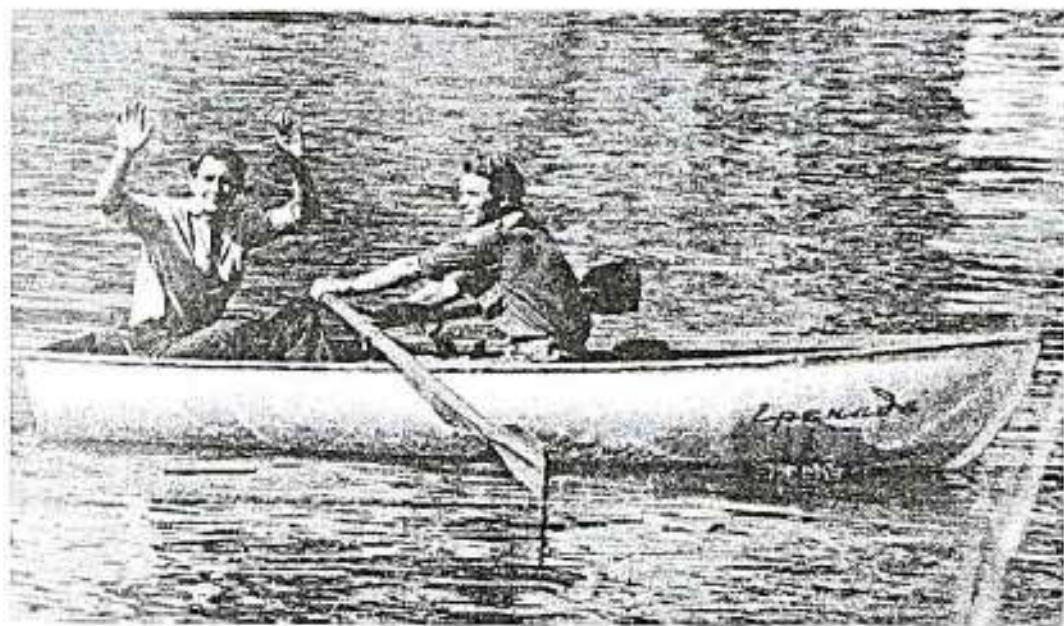
* * *

Мише Гутману

Когда средь суетолоки дней,
хвалы, хулы и всяческого сора
ты вдруг захочешь стать добрей —
ты приходи на берег моря.

Когда хандра в тиски зажмет
и сердце с разумом в раздоре,
не жди, что кто-то позовет —
ты приходи на берег моря.

В любое время, день и час
от суэты, хандры и горя
оно излечивает нас.
Ты приходи на берег моря...

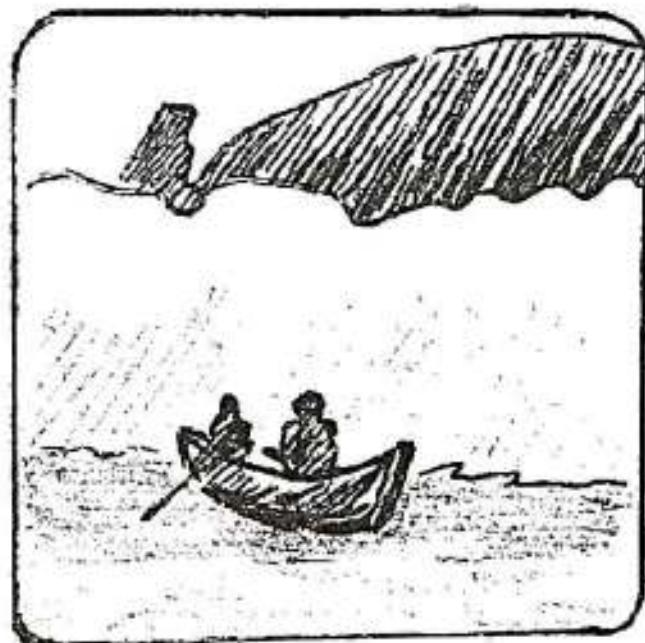

Одинокий лес

Я в лес входил, как в откровенье.
 Стелилась под ноги трава,
 и где-то очень сокровенные
 всплывали в памяти слова.
 Как перед дальнею дорогой,
 еще не в силах все понять,
 стоял пустой и одинокий
 огромный лес вокруг меня.
 Ронял плоды свои орешник,
 кончалось птичье торжество,
 и журавлиный крик нездешний
 вдруг возникал из ничего.
 А листья падали на голову —
 какой жестокий листопад!
 Стоят дубы по пояс голые,
 березы голые стоят.
 Вершилось таинство в природе,
 во всех пределах: от и до...
 А под кустом вороны бродят —
 клюют синичкино гнездо.

* * *

Я слышал, я слышал тревожные струны –
то ветер звенел, пролетая над крышами.
Сегодня мне снились песчаные дюны
и море, и ветер, и девочка рыжая.
И парус косой уплывающей яхты,
и черные туши рыбакских шаланд,
и остров (смешное название – Ягры),
и домик, где девочка эта жила.
Там чайки будили ее на рассвете
и солнечный зайчик плясал на стене,
и прыгал в окошко серебряный ветер
и белым котенком сидел на окне.
Над ней не звенели тревожные струны,
А может, она их просто не слышала...
Сегодня мне снились песчаные дюны
и море, и берег, и девочка рыжая.

Памяти Николая Рубцова

Уйду от шума городского
под сосен шум к звезде полей,
чтобы пристрастно и сурохо
проверить смысл ночных и дней.

Они бегут неотвратимо,
чтоб горячкой пепла на ветру
или дрожащей струйкой дыма
растаять рано поутру.

Пускай они и станут тленом,
во мне живущий адский дух
переживет их непременно
и вновь на свой вернется круг.

Тогда я снова стану прежним,
пойду с друзьями пить вино...
А дома матушка, как прежде,
засветит в горнице окно...

Утро на дороге

Как на травах блестят росинки
огоньками утренних звезд!
От Ивановки до Осиновки —
всего-навсего тридцать верст.
То я полем иду, то лугом,
то дорожною колеей...
Поднимается полукругом
радуга надо мной.
Воздух полон такими звонами!
И окрест меня ни души...
Вдруг машина, гремя бидонами,
догоняет меня, спешит.
Время утренней дойки, стало быть —
молочко потечет тепло...
Просыпается, хлопая ставнями,
все Ивановское село...

Встреча

Я шел по дороге,
 Улыбаясь, смотрел на море,
 на солнце, на лес.
 Хорошо, когда есть сразу
 и солнце, и море, и лес!
 И вдруг я увидел:
 вокруг меня убегало лето!
 Оно скакало по морю стайками
 белых ушастых зайчишек.
 Оно летело по небу
 клочьями рваных туч,
 поминутно закрывавших солнце.
 Оно зеленым ветром бежало
 по лесу,
 перепрыгивая через большие деревья.
 Я оглянулся назад.
 Я хотел увидеть, где кончается
 лето, и, нос к носу столкнулся
 с девушкой, одетой во все желтое.
 — Извините, — пробормотал я.
 Но она даже не взглянула на меня —
 так она была занята!
 Длинным концом своего желтого зонтика
 она метко сбивала зеленые
 листья с деревьев — они падали на дорогу,
 обливаясь зеленою кровью...
 Я хотел догнать, остановить,
 закричать ей в лицо: Девушка! Что вы
 хулиганите? Как вам не стыдно!..
 Но она была уже далеко.
 Возмущенный, я пошел своей дорогой,
 разглядывая удивленно лежащие
 на земле листья — они были желтые...

Первый шторм

Сыну

Еще лежал он в белой колыбели,
еще огромный мир его смущал,
когда ветра морские залетели
в окно, дробясь у сумеречных скал.
А он лежал, глазенками упорно
уставясь в небо,
в черных туч обвал...
Как будто голос бешеного шторма
на всю большую жизнь
запоминал!

* * *

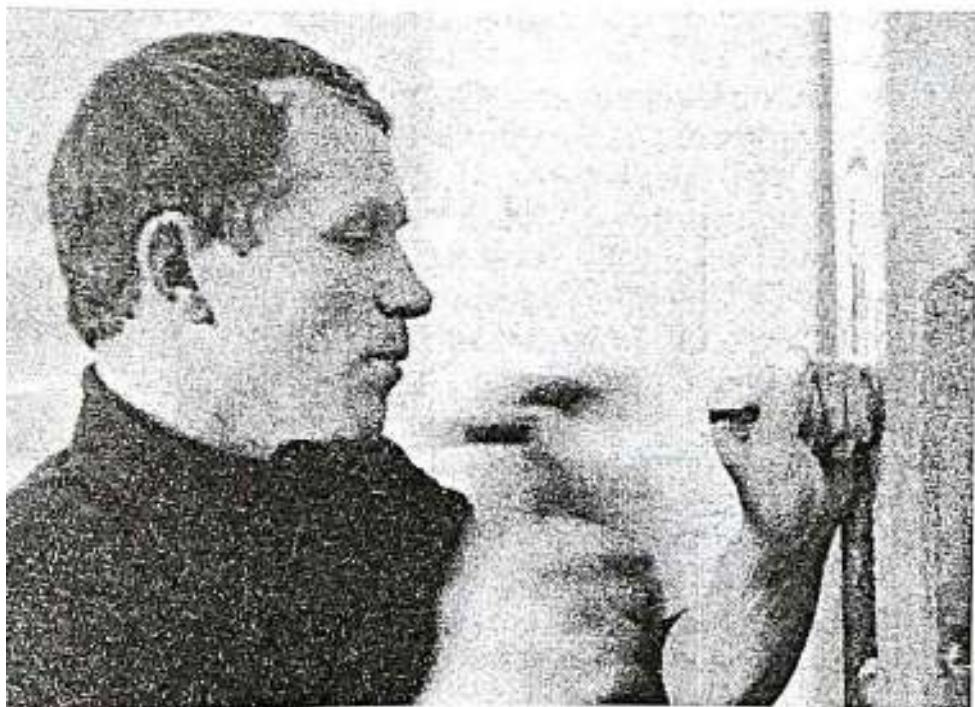
Поутру сегодня — все белым-бело.
Хлопья снега талого липнут на стекло.
И тогда, ты помнишь? —
яблони цвели,
словно меж сугробами
мы с тобою шли.
Много было сказано,
разве все сбылось?
Лист, засохший с яблони
бросил ветер вкось...
Бросил. И унес его —
не отыщешь след.
Но остался в памяти
яблонь белый цвет.

* * *

Николаю Саунину, художнику

Пространство, время, перспектива...
Океанская даль близка.
Ты где увидел это диво —
«Крылатые облака»?
«На маяке Сюркум», на мысе,
с высоты полета орла,
я увидел огромные выси —
и душа моя замерла.
И на том берегу Океана,
На котором ты бросил весло,
вдохновенно и осиянно
родилось твое Ремесло.
Пусть этот свет и эти дали
на полотне твоем живут,
чтоб мы им сопереживали
хотя бы несколько минут.

Поморы

*Вернуться в детство очень просто,
но мне не хочется туда ...
От взрывов бомб грохочет остров,
кипит соленая вода.*

*И бабка крестится на образ,
другой рукой прикрыв меня...
От взрывов бомб грохочет остров -
на детство падает война!*

Раиса Романова.

Я рос среди моря, на острове диком,
где буйно весной расцветает брусника,
где чайки кричат о печали своей,
всю жизнь провожая дымки кораблей.
И наше жилище — гнилая хибара,
где сети рыбакские вместо ковра,
не раз содрогалась от шторма ударов,
но все же стояла, горда и добра.
В ней часто дед пел мне поморские песни,
протяжные песни былой старины,
о том, как бесстрашный погиб буревестник
в пучине холодной и темной волны.
О том, как на лодьях ходили на Грумант поморы,
сыны нашей Русской земли.
И как возвращались... Я слушал и думал,
что люди их славу до нас донесли.
Во мне пробуждалась их буйная смелость,
а дед доверял мне холодный штурвал...
Когда над бортом хлесткий вал нависал,
с ним очень помериться силой хотелось!
А ветер гудел нам свою панихиду,
трещал и стонал просмоленный баркас,
и снасти из рук вырывало у нас,
и небо совсем исчезало из виду.
Над бурным над морем летал буревестник,
мятежно кричал, пропадая во мгле,
тогда вспоминал я поморские песни
и мы возвращались с уловом к земле.
А утром за окнами ластилось море,
до самых дверей подбегала волна,
Морскую науку от деда-помора
я перенял сердцем и делом сполна!

* * *

Ну что это мы все о звездах, о природе
строчим стихи, ночами напролет ...
Зачем в тайгу геологи уходят?
Зачем уходит в море теплоход?
Зачем нужна рыбацкая работа
по много месяцев в году?
До изнуренья, до седьмого пота,
что некогда и глянуть на звезду?
Зачем вот этот каменщик-строитель
укладывает в стену кирпичи?
Зачем, в конце концов, скажите,
в груди так сердце бешено стучит?
Постой, поэт. Останови мгновенье.
Отложи свое изящное стило.
Теперь иди, пиши стихотворенье
в дороге, не за письменным столом.

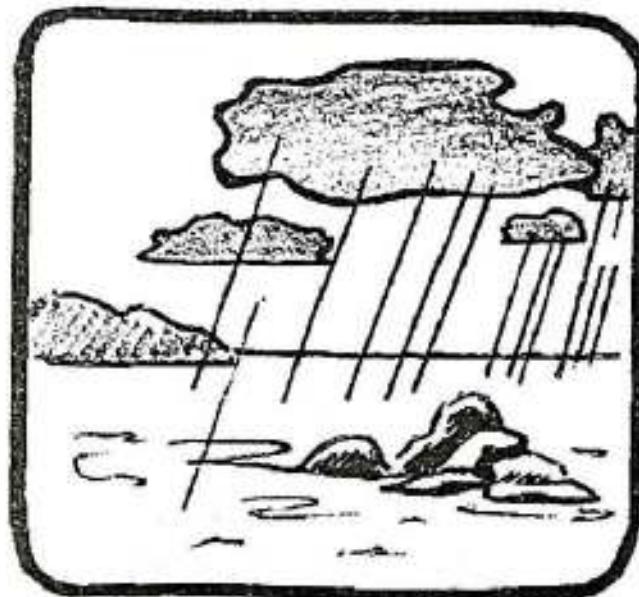
Дальний поход

Четырнадцать дней,
как четырнадцать капель воды.
Небо да море. Море да ветер.
Синий фонарь неизвестной звезды
сквозь рваные тучи изредка светит.
Где мы сейчас? Только волны бегут,
мили считает задумчивый лаг.
Сколько прошло минут и секунд?
Сколько мгновений? Им нету числа...
Синие скалы давно отзвенели,
чайки насытились плотью морей...
Небо да море уже две недели,
море да ветер
четырнадцать дней...

* * *

Смотри, как ветер разыгрался!
На сопки тучи шапками надел,
далеким громом рассмеялся,
подбросил чаек на воде.
Потом как будто утомился,
прилег в прибрежных валунах...
И с новой силой устремился
плясать и путаться в ногах.
А тучи-шапки все угрюмей,
вот по воде промчалась дрожь,
и первой каплей, словно пулей,
пробил себе дорогу дождь.
Ручьи забулькали в кювете,
бежит прохожий под плащом,
а по заливу мчится ветер,
насквозь промокнув под дождем!

Юре, художнику и грибнику

Отлетели все метели,
отцвела жара.
Мы давно грибов не ели,
а пришла пора.
Вон грибы под каждой елью,
каждый — с донышко ведра...
Позабыты акварели,
те, что начаты вчера.
Разводи-ка, Юра, краски,
брось грибы —
писать пора!

* * *

Я опять ушел, не попрощался,
Щелкнула металлом дверь за мной.
О, как долго он за мною гнался,
Этот звонкий резкий щелк дверной!

Что же мы опять не поделили
Этим утром, светлым, между тем?
Напрочь все хорошее забыли,
Навсегда, надолго, насовсем?
Улица. Автобус. Давка несусветная.
Ветер с моря — теплый и густой...
Голос твой вослед пробился мне:
«Милый, ну куда летишь, постой...»

* * *

Тихо уходит из бухты лед.
Как женщина,
Готовая по первому зову
Вернуться.
Тихо уходит из бухты лед —
Мне с ним никак не разминуться.
Лед — это холод
Бессонных ночей.
Когда мы лежим спиной
Друг к другу
Лед — это шепот
Бессвязных речей.
Что, не кончаясь,
Ходит по кругу...

* * *

В. ЗЮЗЮЛЕВУ

Звучала музыка в лесу.
О, как она звучала!
Как будто небо на весу
Торжественно держала.
И было море, и туман,
Укрывший берег дальний...
Сводила музыка с ума
Мелодией печальной.
И лес, и море —
Два крыла,
Ее несли легко и просто,
И над землей она плыла,
Прозрачная, как воздух...

* * *

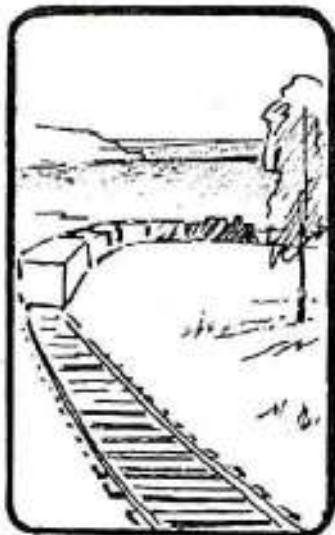
Еще земля зимою бредит,
Но с крыш беснуется капель.
Еще мороз по лужам бродит,
Но ветры принесли апрель.
И я весеннею дорогой
Уйду в соседние леса
И буду нежно ветки трогать,
И слушать птичий голоса...

Светлане

Ночь ушла,
Коротка и коротка.
Тает месяц в редком мелкозвездье.
Изморозью тронуто слегка
Старых слов пустое мелколесье.
Скуп и бледен призрачный рассвет...
Женщина!
Не надо слов и вздохов.
Хорошо ли мне с тобою?
Нет.
Просто без тебя мне очень плохо...

Уходящие поезда

Это было давно.
А быть может,
Вовсе не было никогда.
Отчего же душу тревожат
Уходящие поезда?
Часто ночью проснусь от крика
Паровоза, там, под горой,
Он уходит. А надо мной
Потолок чистый, беленький,
А вокруг — четыре стены...
Что-то в жизни неладно сделал я -
Слишком много в ней тишины.
Слишком много уюта полного,
Слишком много никчемных дел.
Слишком много еще не понял я,
Не увидел,
Недоглядел,
Недовысказал,
Не дослушал,
Не оставил где-то следа...
Оттого и тревожат душу
Уходящие поезда...

* * *

Не зная устали и жалоб,
Мы сокращали жизнь трудом.
Но слишком многое, пожалуй,
Мы оставляли на потом.
Потом,
Насмотримся,
Нагоним,
Наговоримся,
Воздадим...
Мелькают годы, как вагоны,
И вот — полжизни позади...

* * *

Сегодня ночью ты уедешь,
Протяжно вскрикнет теплоход.
Сегодня ночью ты уедешь,
Меня оставишь одного.
По вечерам тебя не будет.
Тебя не будет на заре.
Меня ты утром не разбудишь
И не проводишь до дверей.
Я буду длинными ночами
Ходить по комнате без сна,
Я буду длинными ночами
Сидеть у темного окна...
О, эти окна, эти стены —
Твои запомнили шаги.
Мне эти окна, эти стены
Нашепчут о тебе стихи...

«Признание в любви»

Рядом с Николаем Рубцовым

Николай Рубцов (1936-1971)

*С каждой избюю и тучю,
С громом, готовым уласть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

В книге «Воспоминания о Рубцове», вышедшей в Северо-Западном книжном издательстве в 1983 году, писатель, наш сослуживец Валентин Сафонов пишет: «Внимательно читаю и перечитываю работы наших критиков и литературоведов о Николае Рубцове и вижу, что о том периоде его жизни и творчества, который можно назвать условно «флотским», говорят очень скучно или – чаще всего совсем не говорят. А ведь это целая эпоха: четыре года службы на военном корабле, участие в работе литературного объединения при газете «На страже Заполярья», публикации во флотской печати (многие из них сохранились в единичных экземплярах). И эти четыре года, что особенно важно, время становления Николая Рубцова, становления личности поэта. Начало».

Мне повезло служить с Рубцовым на Северном флоте, на одном корабле с первого дня. Даже раньше. И читая о нем все до сих пор написанное, я понял, что должен несколько восполнить тот пробел, о котором говорит В. Сафонов. В старых блокнотах у меня сохранилось несколько его стихов, возможно, даже не опубликованных. Во всяком случае, в тех сборниках, которые у меня есть, этих стихов нет.

...Сентябрь 1955 года. Светлое северное солнце уже повернуло на осень. Под его нежаркими лучами во дворе какой-то из архангельских лесопилок, заваленной грудами бревен и штабелями смолистых досок, колготилось сотни три новобранцев. С Вологодчины, Пинеги и Онеги собрали их сюда, на сборный пункт военкомата, чтобы, как говорят военные, отбыть к месту будущей службы. Это потом Коля напишет:

... Районный военком, седой и строгий,
мне коротко сказал: «Пойдешь на флот!»

А в тот день ничего ясно не было. Чего-то ждали, наверное, командиров, которые должны были нас пересчитать, переписать, распределить кого куда и направить к тому самому месту службы, а куда — никто из нас еще не ведал. Сержанты и старшины, пока приставленные к нам, лишь посмеивались на наши вопросы.

А пока весь этот бритый наголо молодняк бесцельно слонялся по огороженной территории, сбиваясь в кучки и компании. Кое-где позывали бутылки, из рук в руки переходили стаканы. А кто-то отрешенно возлегал на теплых досках, предаваясь бог знает каким размышлениям.

И тут во дворе возник старичик. Небольшого роста, весь белый, прозрачный, будто одуванчик. Он шустро взобрался на штабель досок, что повыше, и все обратили внимание — дедок был весь увешан какими-то дудками, бубенцами, барабанчиками, маленькими гармошками, а в руке — скрипичка. Утвердившись на штабеле, дед неожиданно густым голосом возгласил:

— Ну, граждане рекруты, чего изволите послушать?

— Как родная меня мать провожала-а-а... — раздался из толпы хмельной голос какого-то «рекрута». И сразу же вся эта музыка у деда заиграла, засвистала, забренчала, да так складно, предложенный мотив. Да так лихо, что многим захотелось плясать. И заплясали...

Потом дед исполнил еще несколько популярных в то время мелодий. Уже все новобранцы стояли вокруг, радуясь неожиданному развлечению, приплясывая и подпевая. Когда дедушка отыграл свой, видимо, привычный репертуар и на минуту остановился, вытирая цветным

платком лысую голову, паренек, сидевший чуть ниже него на досках, дернул деда за штанину и спросил:

— Дед, а полонез Огинского можешь?

Музыкант быстро глянул вниз, на паренька, сунул куда-то платок, передвинул на груди какие-то инструменты, приложил к подбородку скрипичную скрипку и заиграл...

Никогда прежде я не слыхал такой пронзительной музыки, которая вот так сразу пришла к месту и к сердцу каждого из нас. И никто из нас, наверное, не знал тогда, что это за полонез, и что это за Огинский, но всем стало жутко и сладко, и понятно, о чем эта музыка. И не было ничего вокруг сильнее и желаннее этой щемящей душу мелодии...

Мы опомнились, когда дед уже спускался на землю. И пока он семенил к воротам, в карманы ему совали смятые рубли и трешки.

А с пареньком, заказавшим такую необыкновенную музыку, мы оказались в одном вагоне поезда, мчавшего нас куда-то в ночь, на север, к месту службы. Это был Коля Рубцов.

Северный флот. Курс молодого матроса. В ту пору мы редко встречались с Колей — были в разных ротах. Когда увидел его в первый раз в форме да с винтовкой образца конца прошлого века, невольно рассмеялся: шинель до подметок, а примкнутый к стволу винтовки штык торчал намного выше головы, подчеркивая его маленький рост. Впрочем, все мы, наверное, выглядели так же нелепо, пока не научились носить флотскую форму.

... Эскадренный миноносец «Отчаянный» стал на долгие четыре года не только местом службы, но и родным домом. Боевой пост Коли, визирщика- дальномерщика артиллерийской боевой части, был на фок-матче, повыше командного мостишка, а мой, машиниста котельного, — намного ниже ватерлинии. Его кубрик — под носовой надстройкой, мой — под ютевой палубой, на корме.

И хотя нас разделяли всего около ста метров, виделись мы нечасто. Корабельная служба, строгое расписание боевых вахт в походе не совпадали с нашими желаниями, а мы уже выяснили, что оба пишем стихи.

Но все же встречались между вахтами, перекутивая на юте полярными ночами, светлыми от сполохов Северного Сияния, где-нибудь у берегов Новой Земли или еще подальше. И каждый раз говорили о стихах. Что я тогда писал, уже и не помнится, но тогда я впервые услышал от Коли стихи Есенина, он читал наизусть стихотворение за стихотворением. Особенно врезалось: «Ты жива еще, моя старушка...»

Я тогда о Рубцове еще ничего не знал, просто он не рассказывал о себе. Но, слушая стихи Есенина, которого в нашей школьной программе не было и мы даже не слышали о таком поэте, я улавливал, что он близок чем-то и Коле, и мне. И я не мог понять, когда Рубцов читал Есенинские стихи, а когда — свои, настолько органично они продолжали тему. Коля читал стихи вроде бы для себя, негромко, но его слушали все, кто в тот момент был рядом.

Потом, в 1959 году, в письме Валентину Сафонову он напишет: «...Сергей Есенин вызывает звучание целого оркестра чувств, музыка которого, очевидно, может сопровождать человека в течение всей жизни. Во мне полнокровной жизнью живут очень многие его стихи».

Точно не могу сказать, но думаю, что чтение Есенина ему было нужно, чтобы проверить на слух что-то свое. Но теперь я знаю, что читал он нам тогда много и своих стихов, вернее, их первые варианты. Например, знаменитое стихотворение «Я буду долго гнать велосипед» начиналось строфой:

Мне очень больно, но обиды нет,
И унывать себе я не велю.
Нарву цветов и подарю букет
Той девушке, которую люблю...

А о велосипеде там не было ни одной строчки...

Помнится, два-три раза матросу Рубцову перед строем объявляли взыскание за занятие посторонними делами во время несения вахты, и его командир показывал всем какую-то тетрадку. Потом эту тетрадку, а может и другую, я видел постоянно у Коли в руках, свернутой в трубочку. Однажды я заглянул в нее: стихи, стихи... Одно я попросил переписать. Ни в одном сборнике я потом не нашел его, поэтому привожу полностью.

Как живешь, моя добная мать?
 Что есть нового в нашем селенье?
 Мне сегодня приснился опять
 Дом родной, сад с густою сиренью...
 Помнишь зимы? Свистели тогда
 Вьюги. Клен у забора качался.
 И, продрогнув насквозь, иногда
 К нам в окно осторожно стучался.
 Он, наверно, просился к теплу,
 Нас увидев в просвете за шторой...
 А мороз выводил по стеклу
 Из серебряных нитей узоры.
 Волки выли во мгле за рекой...
 И однажды в такое ненастье,
 Помнишь, ты говорила со мной
 О большом человеческом счастье?
 И недаром в дозорных ночных
 Милый край от врагов охраняя,
 О простых материнских ночных
 Я с любовью теперь вспоминаю...
 Как живешь, моя добная мать?
 Что есть нового в нашем селенье?
 Мне сегодня приснился опять
 Дом родной, сад с густою сиренью...

Почему-то Коля любил приходить в свободное время в наш кубрик, где жили кочегары и машинисты. Наверное, потому, что сам до армии успел, оказывается, по-

работать кочегаром на рыболовном судне. Много позже я прочитал у него:

Я весь в мазуте, весь в тавоте,

Заго работаю в трапфлоте!

Он появлялся всегда неслышно, и мы, занятые своими делами, замечали его уже сидящим на рундуке с гитарой или гармошкой в руках, которые постоянно были «прописаны» в нашем кубрике, и вполголоса что-то пел-напевал. Но всегда кто-то подсаживался рядом и тогда Коля вдруг громко ударял по струнам и «с надрывом» начинал всегда одно и то же:

Заял наш старый сад,
Опали листья в нем,
А на душе моей
Печальное волненье-е-е...
Ушла ты от меня,
Любви возврата нет,
И осени сырой
Я слышу дуновенье-е-е...

Обычно молчаливый, сосредоточенный, даже угрюмый, он в эти минуты преображался, светлел и пел уже какие-то частушки, по всей вероятности, сочиняемые тут же, экспромтом, про нашу флотскую жизнь. Было всегда остроумно и точно. Например:

Июньский пленум, июньский пленум,
ты наш оплот!

Хорошим сеном ты кормишь флот!..

Петь такое было, конечно, чревато... Или вот такое:

Можно жить и лежа на полатях,
Бить баклуши хоть до сотни лет.
Жизнь моя, промчись же,
Как торпедный катер,
Оставляя за собою
Бурный след!

Разве не так он прожил свою жизнь? А это он пропел в девятнадцать лет ..

Насколько серьезно он относился уже тогда к своему творчеству, можно судить по тому, как дотошно он разбирал мои беспомощные строчки и, встретив рифму «слезы-морозы», сильно сердился и доказывал горячо, насколько это плохо. Однажды он показал мне две строчки и предложил что-то вроде конкурса — продолжить, чтобы получилось стихотворение:

На снегу, как тюлени, лежат валуны.

Чайки плещутся в пене набежавшей волны...

Мы стояли тогда на рейде одной из северных бухт и я видел эти валуны и этих чаек, но, сколько ни бился, получалось все не то. Так в моем блокноте и остались эти две его строчки. А Коля через пару дней показал стихотворение, ныне опубликованное во всех его сборниках.

Тем не менее, напечатался я раньше него. Сейчас-то я понимаю, какая это была наглость с моей стороны, ведь я знал, что мои стихи плохи, но все-таки послал несколько в мурманскую молодежку «Комсомолец Заполярья», и два были напечатаны.

Коля долго молчал, прочитав их. А назавтра принес несколько листов с отпечатанными на них стихами и сказал: «Вот, хочу послать в нашу флотскую газету. Напиши несколько строчек: кто я, что я... И вообще. Я написал. Потом мы долго сидели, правили мой текст, что-то убирали, что-то дописывали. Казалось, конца этому не будет, пока Коля не сказал: «Все, хватит. Вот только вставим четыре строчки, совсем свежие, сегодня пришли:

После дня, прошедшего в атаках,
Сколько раз я милой называл
Выплывшую вдруг из полумрака
Землю тундры и суровых скал...

Продолжения этих стихов, наверное, не было, по крайней мере, больше нигде я их не видел напечатанными, а черновиков, как известно, Коля не хранил...

Спустя какое-то время, той же осенью 1957 года, открываю нашу флотскую газету и вижу на «Странице дня отдыха» в верхнем правом углу третьей полосы заголовок «Доброго пути, Николай Рубцов!» Пять стихотворений и две колоночки моих напутственных строк. Это была его первая публикация.

станица дня отдыха

Доброго пути, Николай Рубцов!

Родные поры

И жил у меня с окнами розовые.
И с ней спать можно было каждый час.
С интересом читалось, восхищалось
Я бояться не хотела.

Люблю я этот конфетный спорта,
Каждые ягоды над землей лежат.
Всю свою жизнь подставляла голову,
И когда для него только одна борода.

Бывала когда-нибудь засыпь
С ярким блеском рожевиной. И мер
Родившиеся ягоды в спорте.
Их короли сказали: «Всё для вас!»

Люблю ягоды, не требующие мытья,
В спорте Рубцов, наконец-то, был —
На погано спасли, кроме ягоды
И ягоды для исполнения мечты.

Бывший цветок, склоняется. Он знает
Землю за окном, пыльные окна.
И знала когда-то я, вспомнила забытые
Они обрадили счастье и потому за окна.

Запахом цветов наполнило ее лицо
Изумительной изящества лица —
Что было, что было, что было, что было,
И это лучше, чем быть в цвету.

Мария, цветок, цветок,

Не скажу, сколько ягоды.
Для спорта, для спорта, для спорта,
Для спорта, для спорта, для спорта.

ГУДОГО ГЕМИШАРА

АЛРОС ПЛАДДАЛ РУБЦОВ родился в 1958 г.
— Детство его прошло в Амурской области, в селе Старый Угол, расположенного в гористом лесном районе. Быстро росший мальчик изначально любил играть в футбол, но вскоре начал интересоваться и увлекся игрой в футбол, и гимнастикой, и рукопашным боем. В 1970 году из школы № 1 г. Северного района был направлен в военное училище в г. Северодвинск, где он окончил курс по специальности Рубцов.

Сейчас Николай Рубцов живет в г. Северодвинске, работает в судоходной компании «Удээс». На своем времени занимается спортом и ходит в спортзал. В 1980 году окончил гимназию № 1 г. Северодвинска.

Фото: Ю. Смирнова

Здесь, на Севере, во-всю, живут передышки люди поглощенные заботами. Жизнь народных героев не отличается от жизни Земли.

Однако несмотря на отдаленность от города Николай Рубцов не забывает о своем детстве и юности.

Николай Рубцов изучает историю, географию, физику, математику, физкультуру, физическую культуру, политическую работу. Родители папа и мать — инженеры. И как и его отец, Николай Рубцов — инженер.

Спортивные занятия не мешают изучению учебных предметов. Николай Рубцов — хороший ученик.

Северная береговая

Быть на севере — значит,
Что здесь сидят края.
Быть на севере — значит,
Быть первым из первых.
На севере первостепенно
В головах гражданство.
Север — земляничный берег.
Чтобы кипеть в силах.
Так я дочитал «Сказки»
Прекрасного суда моряка.
Но в голове недавно
Задумал я сидеть на севере.
Сидеть на севере.

Каждый цветок в северной Арктике
Да сказкам, плюс к тому
Что сидеть на севере —
И погонять яко-таки.
Быть на севере — значит
С интересом читать книжки.
Быть на севере — значит
И в радио слушать спектакль.
Север — земляничный берег.
Образует земляничную кашу.
В северном селе.
Север — земляничный берег.
Быть на севере — значит
Задумал я сидеть на севере.
И большими сибирскими ягодами.

И уединенными галечниками во звуках.

Встреча

Быть на севере —
Чтобы сидеть на севере.
Быть на севере — значит
И погонять яко-таки.
Быть на севере — значит
С интересом читать книжки.
Быть на севере — значит
С интересом читать книжки.
Быть на севере — значит
Задумал я сидеть на севере.
И уединенными галечниками во звуках.

Приморцам, пишущим стихи, рассказы
песни редакция «Лукоморья» предлагает
помощь в издании книги. Обращаться по
адресу: 692330, г. Арсеньев-1, а/я 65.

Содержание

ЗАТРОНЬ СТРУНЫ	2
Мой город	3
...И нарекли Находкой	4
Рассвет был солнчен и ярок	5
Как велика Россия, Родина	5
Бухта Врангель	6
Пока ничего особенного	7
Не пиши мне больше, мама	8
Утренний город	9
ЗДРАВСТВУЙТЕ, А ВОТ И Я!	10
Музыка моря	11
СКАЖУ ХОРОШИЕ СЛОВА	15
Промчались годы	16
Опять весна	17
Во дворе у больницы — скворешни	18
Опять весна течет и плачет	19
Я вышел к морю	20
Корабли приходят и уходят	21
Ночь свежо и влажно дышит	22
Возле дома аллеяка узкая	23
Акростихи	24
Романс	25
Ассоциации	26
Чай вдвоем	27
Вот лист упал	28
Когда средь суполоки днис	29
Одинокий лес	30
Я слышал, я слышал тревожные струны	31
Уйду от шума городского	32
Утро на дороге	33
Встреча	34
Первый шторм	35
Поутру сегодня — все белым-бело	36
Пространство, время, перспектива	37
Поморы	38
Ну что это мы все о звездах, о природе	39
Дальний поход	40
Смотри, как ветер разыгрался!	41
Отлетели все метели	42
Я опять ушел, не попрощался	42
Тихо уходит из бухты лед	43
Звучала музыка в лесу	43
Еще земля зимою бредит	44
Ночь ушла	44
Уходящие поезда	45
Не зная устали и жалоб	46
Сегодня ночью ты уедешь	46
РЯДОМ С НИКОЛАЕМ РУБЦОВЫМ	47
Полонез Огинского	48

**Редактор – Николай МОРОЗОВ,
г. Арсеньев.**

**Художник – Игорь ПИНЧУК,
с. Староварваровка, Анучинского района.**

Корректор – Валентина МЕДВЕДЕВА,

**Дизайн, компьютерная верстка – Евгений АГИБАЛОВ,
г. Арсеньев.**

Формат 60x48, 1/16. Печать офсетная, бумага финская.

Тираж 500 экз.

Набор, верстка и печать

**АО «Информационно-издательская компания «Бизнес-Арс».
2330, Приморский край, г. Арсеньев, ул. Октябрьская, 59-Б.**

Тел.: (42361) 2-24-23.

15,00'

